

Харьковской театральной истории *.
(Материалы, мелочи и замечки).
XV. Юрий Край.

доконный графъ Соллогубъ напи-
сь двѣ повѣсти „изъ воспоминаній
занствующаго актера“: „Собачку“ и
„оспитаницу“. Изъ намековъ авто-
ра и особенно изъ „Записокъ“ Щеп-
кина (стр. 146) видно, что „странству-
ющими актеромъ“ былъ только что на-
чавшій знаменитый комикъ. Обѣ по-
вѣсти написаны, очевидно, съ его словъ;
притомъ, вѣроятно, безъ существен-
нѣй отступлений. По крайней мѣрѣ,
винції, — знаменства,
Соллогубъ могъ пріобрѣти
рассказы Щепкина.
ти, что со словъ Щепкина
одинъ графъ Соллогубъ
Щепкина, какъ извѣ-
тіе и повѣсть Герцен-
совка“, со словъ Ще-
пкина Гоголь и рассказы Че-
хоньныхъ и Бѣленьевыхъ

„Собачъ“ графъ Соллогубъ, какъ
считъ Щепкинъ, „не только ничего
предвидѣлъ, а многое напротивъ еще
засыпалъ“. Въ этомъ можно убѣдиться,
и сравнить разсказъ графа Солло-
га о комичномъ эпизодѣ, разыграв-
шемся въ Харьковскомъ театрѣ 15-го
августа 1816 года, въ день представле-
нія „Донъ-Жуана“, съ рассказомъ са-
мого Щепкина въ его „Запискахъ“.— Въ

у всего этого нельзя не прийти къ
заключению, что и повѣсть „Воспитан-
ца“, дѣйствіе которой происходитъ
только въ Харьковѣ („въ городѣ Х.“),
точно на Теменевской, т. е., вѣроятно,
Ильинской ярмаркѣ въ Ромнахъ,
перевода Ильинской ярмарки въ
столицу харьковскіе актеры и ак-
тисы переселялись на лѣто въ Ром-
ны несомнѣнно воспроизводить одно
изъ происшествій, свидѣтелемъ
ориентъ довелось быть Щепкину во
время его пребыванія на югѣ Россіи
въ труппѣ, игравшей часть года въ
Харьковѣ, а часть въ Полтавѣ. Въ
этой повѣсти упоминаются вскорѣль
именами Шреина и Почековскаго
и старинные харьковскіе антрепре-
зы Штейнъ и Калиновскій, а это
въ болѣе подтверждаетъ нашу мысль,
случай, разсказанный въ „Воспи-
таницѣ“, произошелъ въ Харьков-
ской труппѣ. Не въ этомъ только за-
ключается интересъ повѣсти для
членія харьковской театральной ста-
нции. „Воспитаница“ живо воспроиз-
вела сюжетъ повѣсти „Дама изъ
динара Федора. Хорошо
понравилась своей бе-
тически настроенной ба-
та ею „въ комнатѣ“
какъ родная дочь. С
домъ граffина привозилъ
богатѣи и богатѣи и испо-
желаніе своей воспитан-
ницы время вывозилъ
свѣтъ, граffина первыхъ
и на ея вечерата и ба-
емъ которыхъ всегда
ца Наташа, собирался
beau monde. Чопорны
чала кесились на „ху-
шую въ барышни,
дѣли, что она развѣж-
ской каретѣ, одѣвается
стременными дщерей и по-
ничною любовью богато-
фиши, то совершенно ре-
стали безбожно листы
вушекъ, наводиль спра-
данномъ и прочитъ ее
своихъ сыновъ. Это
въ то же время чесать

и театраль-
ь годовъ, и въ
ь на себѣ яв-
ельного знаком-
бломъ въ про-
которое графъ
эти только изъ
Замѣтимъ исто-
чина писать не
бъ. Со словъ
то, написана
а „Сорова—во-
чина написалъ
чикова о чер-
ничальная исто-
выросшей въ
итать себя ба-
раннаго дѣт-
и любовью, и
ставшей безъ
зни и принуж-
дтрисы жалкой
афосаго камер-
нья кая дѣвочка
йтной, роман-
скѣй, била вяз-
и воспитана,
каждымъ го-
насъ къ ней все
яла малѣшее
иницы. Когда
на въ городѣ,
хъ, украшені-
валась красави-
е губернскій
баринъ она
опку", попав-
о когда уви-
ть въ щеголь-
учше ихъ соб-
зуется безгра-
и знатной гра-
чувствовались,
ъ молодой дѣ-
ки о ея при-
нь невѣсты для
е мѣшало имъ
зыки на счетъ
итаница", ни-

чеге не замѣчая, пѣла, танцевала,
растерзала противъ воли безчисленное
множество сердцъ и отличалась въ
домашнихъ спектакляхъ, приводя гра-
финю въ восторгъ и своимъ голосомъ,
и своей изящной игрой. Скоропостиж-
ная смерть графини произвела рѣзкій
переворотъ въ судьбѣ милой, беззабот-
ной дѣвушки. Графиня не оставила
духовнаго завѣщанія, а ея наследники
сочли излишнимъ позаботиться обѣ ея
воспитанницѣ, которой она хотѣла пе-
редать все свое состояніе. Губернскій
beau monde, узнавъ, что Наташа оста-
лась не при чёмъ, сразу отвернулся
отъ нея, и тѣ самые помѣщики и помѣ-
щцы, чиновники и чиновницы, кото-
рыя прежде считали за счастье удосто-
иться ея улыбки, перестали узнавать
Наташу.

„Грустно шла сна однажды по ули-
цѣ, поникнувъ головой; она чувство-
вала, что она лишняя на землѣ, что
она ужъ никому не нужна и обременя-
етъ только собой пріютившее ее семейство. Съ ней встрѣтился тотъ старичекъ, который восхищался никогда ея
драматическими способностями. Этотъ
старичекъ былъ большой оригиналъ.
Онъ прожилъ почти все свое состояніе
на музыку, хотя самъ музыки не
зналъ вовсе. Отъ скуки, затѣялъ онъ
въ деревнѣ оркестръ и, какъ русскій
человѣкъ, пристрастившійся къ одной
мысли, забылъ все прочее; хождество
его пошло вверхъ дномъ, но онъ о
томъ и не заботился. Мужчины играли
на скрипкѣ, конторщики писали ноты,
бурилѣстръ билъ тактъ, мальчики съ
толстыми губами назначались для
флейтъ и кларнетовъ, широкоплечие—
для фаготовъ. Изъ Москвы вѣпсизна-
лись и инструменты, и капельмейстеры.
Старичокъ поинутно созывалъ своихъ
сосѣдей и радовался, какъ ребенокъ,
когда вдругъ гдѣ нибудь, въ бесѣдкѣ
или въ густой рощѣ, будто бы не-
ожданно раздавалась увертюра изъ „Ка-
лифа Багдадскаго“ или „Толедскихъ
Слѣпцовъ“. Мало по малу, настроивая
доморощенныхъ артистовъ, онъ раз-
строилъ до того имѣніе, что принуж-
денъ былъ обратить свой оркестръ въ

ходяную статью. Продать же его онъ рѣшился, хотя ему и предлагали хорошую цѣну, и потому ѿздалъ по родамъ, подряжалъ своихъ музыкан-
тъ на балы, на театры, и выручен-
ными деньгами содержалъ и людей сво-
ихъ, и себя".
Сумасбродный меломанъ, какиуъ бы-
не мало въ прежнія времена, пред-
жилъ Наташѣ поступать на сцену,
она, послѣ вскоторыхъ колебаний,
гласилась на это.
Черезъ нѣсколько дней, старичокъ
вился къ Наташѣ съ содержателемъ
чтра Иваномъ Кузьмичемъ. Иванъ
Кузьмичъ былъ похожъ на дворецкаго,
белый кисейный галстукъ, огромная пе-
ть на гороховыхъ панталонахъ, вздер-
нутый носъ, большой хохолъ придавали
куто особую важность его красной
глупой физіономіи. Говоря съ Ната-
шѣ, онъ старался быть обворожите-
ль: говорилъ сладкимъ голосомъ,
зурнъ глаза и воображалъ себя са-
мымъ свѣтскимъ человѣкомъ".
Наташа подписала контрактъ, и на
этотъ день огромная афиша возвѣсти-
ла дебютъ г-жи Федоровой. Дѣбрдѣ-
льная губернская матронамъ пришли
ужасъ, узнавъ объ этой новости,
отъ она холопская кровь", кричали
они: вместо того, чтобы честнымъ тру-
домъ зарабатывать хлѣбъ свой, вотъ
о она дѣлаетъ". Съ точки зрѣнія
тронъ театръ былъ мѣстомъ ужаса
погибели. И матронамъ были отчасті-
и, если судить по характеристи-
кой труппы, въ которую попала
Наташа.
Въ числѣ ся товарищѣ было двое изъ
благородныхъ": одинъ, выгнанный изъ
возможныхъ службъ, другой, выгнан-
ный изъ гимназіи за шалости и дурное
зведеніе. Дѣтская мечтательность во-
вела его на комедіантскoe поприще,
но онъ продолжалъ съ товарищами раз-
вѣнную и пьяную жизнь. Въ труппе со-
вѣла изъ двадцати человѣкъ. Харак-
теристику же не трудно сдѣлать: ко-
микъ Куличевский пилъ иногда; благо-
дничий стекъ Ивановъ пилъ постоянно;
актриса Кондратьевъ пила запоемъ.
Въ пили больше или менѣе. Одинъ ста-
рикъ Петровъ былъ че-
но, можетъ быть, ото-
никомъ дарованія. исполнявший безслов-
нозначительныя роли, вадорное жалованье и
шишемъ для цѣлой висти и Куличевскій
лишь сапутывать его
вали поминутно съ то-
изъ за кулисъ разны-
тиахъ шутокъ бѣдно-
ходилось иногда до
полохина труппы вакл-
или трехъ старыхъ б-
на кухарокъ, въ двухъ
вихъ дѣвочекъ и въ
горничныхъ, которы-
сплетничали, толковали
интригахъ, о нарядѣ.
Главная изъ нихъ б-
нова, которая, буду-
и въ большой чести
тапи, возненавидѣла
взглядъ. Подобное об-
правиться сиротѣ. Он-
тавалась одна въ сво-
ключая, разумѣется,
цій. Актеры и актрисы
довольны ея холодны-
 обращеніемъ. Одинъ
сталъ прынцовать, леній незнакомой
началь ревностно про-
только могъ, свои у-
поводомъ къ новымъ
ропу совѣтовали сдѣ-
ей наслѣдницей и от-
вѣщанію, серебрану-
ставляющую единствен-
наго комедіанта".
Наконецъ, насталъ
атрѣ былъ переполненъ.
городъ былъ въ сборѣ
да на сцену, увидѣла
взять занять ея
комими, поклонника
Благородная, изящна-
ра бѣдной дѣвушки,
красота—произвели
на чопорныхъ блистѣ
скаго comme il faut.
ла рѣшительный ф-

ловакъ тревзый, то не было у него Этотъ Петровъ, онная или самая получалъ самое служилъ посмѣ трупны. Гимна- внически стара- въ словахъ, сби- лку, дѣлали ему гримасы. Отъ му Петрову при- слезъ. Женская почалась въ двухъ абахъ, похожихъ на двѣнадцати-лѣт- трехъ манерныхъ и то и дѣло что ли о любовныхъ ахъ и о кухнѣ. ала дѣвица Ива- ни недурна собой до прибытія На- ее съ первого щество не могло а цѣлый день ос- ий комнаткѣ, во- времени репети- и были очень не- тъ, но училимы гимназистъ пере- а Петровъ, удив- ему училистью, здлагать ей, гдѣ злути. Это было часмѣшкамъ. Пет- лать Наташу со- звать ей, по за- о табакерку, со- кое достояніе бѣд- день дебюта. Тѣ- въ публикой. Весь и Наташа, вый- , что весь бель- прежними зна- ми и подругами. , задушевная иг- яя несчастіе, яя впечатлѣніе даже тельницъ губер- Наташа произве- роръ, и Иванъ Кузьмичъ только потирая руки отъ восторга, сразу сообразивъ, какія она ему будетъ дѣлать сборы. И Наташа действительно стала „дѣлать сборы“ къ величайшему удовольствію своего импресарио.

На это труппа Ивана Кузьмича отправилась разыѣжать по ярмаркамъ. Съ нею должна была вакочевать и Наташа, связанная по рукамъ и ногамъ контрактомъ, который она подписала, не читая.

Дней десять оряду штопали рыцар- скіе доспѣхи, испанскія мантіи и про- чій театральный хламъ; чинили и под- крашивали декорации, вырывали карточные вещи и ваготовляли парики. Когда все было готово, торжественный поѣздъ отправился шагомъ къ мѣсту своего назначенія.

Дорога была песчанная. Солнце пы- лало; воздухъ былъ удушливъ. Ната-ша, изнуренная болѣвью, лежала въ кибиткѣ, обтянутой рогожей, посреди двухъ старухъ въ душегрѣяхъ. Ло- шадьми правилъ Петровъ. Передъ ки- биткой тянулись двѣ фуры, навьючен- ныя вещами и людьми. Женщины щел- кали орѣхи. Мужчины, въ однѣхъ ру- башкахъ, заложивъ руки за затылокъ, спали, растянувшись, кто какъ могъ. Такъ прошелъ цѣлый день. Наташа старалась ни о чёмъ не думать. Къ ве-черу они остановились въ большомъ селѣ, у постоялого двора. Стало свѣ- жеть. Лошадей отрягли. Путники проснулись, зашевелились, переклик- нулись. Изъ-подъ сѣна выглянули пи- роги, испеченные на дорогу, и чет- вероугольные штофы съ настойкой. Около пріѣзжихъ толпились, сбѣжав- шіеся ребятишки. Хозяинъ постоянного двора кланялся и сутился; хозяйка ставила самоваръ. Мало-по-малу пироги стали исчезать и штофы опо- рожняться. Начались странныя шут- ки, странные пѣсни. Наташѣ послы- шались совершенно неизвѣстныя слова. Иванъ Кузьмичъ окправился впередъ для нужныхъ въ Теменевѣ распоряженій и представлялъ въ походное время своей труппы полную свободу. Грубыя шутки становились чистъ отъ часу круп-

е. Лица раскраснѣлись... Начались оры... за скорами послѣдовали ру- тельства, а за ругательствами пошла ака. Женщины притягивали и смѣ- юсь. Актеры, шатаясь и падая, по- нутно вѣрблялись другъ другу въ лоса и кричали страшными голоса- ми. Наташа съ ужасомъ смотрѣла на врѣлище. Ругательства и крики вѣялись новыми криками и руга- льстями; за драками начинались ять новые драки".

Наташа, уже извѣдавшая въ губерни- омъ городѣ, что значитъ служить кусству въ грубомъ, пошломъ об- ъествѣ, доходитъ до отчаянія во врем- путешествія на ярмарку. Ей при- дется страдать и отъ циничнаго, глаго обращенія актеровъ, и отъ обиныхъ, ядовитыхъ выходокъ акте- съ. Ея защитникомъ является влюбл- ный въ нее юноша, бывшій гим- зистъ. Пропускаемъ романъ, ко- рый разыгрывается между ними, къ какъ онъ не представляетъ никакого интереса съ точки врѣнія те- ральной старини. Скажемъ только, о Наташа, тронутая беззаботной юдансностью молодаго человѣка и въ благоговѣиѣмъ, съ которымъ къ ней относится, соглашается идти за него замужъ. Сыграть свадь- у предполагается по пріѣздѣ на яр- марку.

На ярмаркѣ театръ былъ устроенъ... мучномъ сараѣ.

И въ ярмарочномъ театрѣ Наташа привела всѣхъ въ восторгъ. При видѣ прелестной актрисы, ремонтерокія сердца воспылали, помѣщики закрутили усы, даже некоторые купечки разчувствова- лись. По окончаніи театра, всѣ му- зыканты изъ оркестра уговаривались въ разныxъ углахъ города влюблѣвшими губернскими Донъ Жуанами, которые разспрашивали притомъ, какъ бы по- знакомиться съ дѣвицей Федоровой. Музыканты выпили въ этотъ вечеръ страшное количество пуншу, но объ- ювили, что познакомиться съ Наташой несложно, потому что она въ связи съ

однимъ актеромъ, на ней жениться".

Наташа еще въ губерніи приходилось вмолу намеки и грязни, которыхъ ей вся ки- лило, но все было въ прошломъ. Пришлое извѣдать шкѣ на ярмаркѣ, гра- сочастіе пѣтнать всѣхъ монтеровъ, особенно корнета, который и бы отождѣсть славу заслужилъ.

"Гусарь каждый кулисъ, националь с-ничать, но, встрѣ- воръ, робѣль какъ дуинаны объясняетъ гусарскими усами, не подвигались, хотѣ же передъ товари- боченнѣй видѣ человѣка отливаго. Отчаявая успѣхъ, онъ обрати- и старался достичь успѣха. Дѣвица Ива- по его милости всѣ купленными на ярмарку пускать на счетъ Вѣ- нные слухи и доста- средства встрѣтить бы она ни выходила скоро подчи- вѣющими шутками, завистью подозрѣва- ваго товарища, хотѣ- здравленія отъчай- улыбкой. Гимназистъ худѣль съ каждымъ днёмъ его было чѣ- Наташа молча снос- она почтала уни- дынѣваться".

Во время одной гу- корнета стали подшучивать надъ неудачными уаживи- Задѣтый за живое вратъ, споритъ и хвалитъ Наташу дѣвушку, что она это срыва- вости. Въ заключеніи

который обещалъ
убернскомъ городѣ
шивать циничные
предложенія, отъ
роевъ бросалась въ
и-что съ тѣмъ, что
нестастной дѣвушкѣ она имѣла не-
хъ гусаръ и ре-
одного армейскаго
евъ изъ кожи, что-
ихаго, отчаяннаго
вечеръ ходилъ за
Наташой любов-
чая ея холодный
школьникъ. Об-
ѣ замирали подъ
дѣла никаколько
и онъ и принялъ
шами скромно-оза-
вѣка вполнѣ сда-
сь въ настоящемъ
ился къ хитрости
гнуть наружности
нова, украшенная,
зотыми сережками,
аркѣ, начала рас-
аташи самое гну-
зляла гусару всѣ
ее повздыду, куда
Актеры начали
иманазиста самими
ми. Офицеры съ
ни своего счастли-
орый на нихъ по-
ть только лукавой
былъ блѣденъ,
днемъ; въ движе-
то лихорадочное.
ила новое бѣдствіе:
зительнымъ оправ-
опойки, товарищи
учивать надъ его
наніями за Наташой.
кутила начинаетъ
стать, увѣряетъ, что
должность ему, но
тъ изъ властичи-
ре онъ обѣщаетъ

при всѣхъ поцѣловать ее. Толстый ма-
оръ ловить его на словѣ, тутъ же за-
ключается пари, и вся компания немед-
ленно направляется въ театръ.

Когда первое дѣйствіе кончилось,
гимназистъ вышелъ подышать на пло-
щадку, на которой находился театраль-
ный сарай. На лѣстницѣ встрѣтилъ
онъ разгульную ватагу ремонтеровъ,
идущихъ, по обыкновенію, любезни-
вать во время антракта за кулисами.
Гимназистъ поблѣдѣлъ и нахмурилъ
брови. Дѣвица Иванова стояла подъ
него, съ коварной улыбкой.

— Какія хорошенъя Наталья Па-
ловна, сказала она:—просто, прелести!..
ва то ужъ надо сказать... всѣмъ вдре-
вается.

„Гимназистъ не отвѣчалъ.

— Ужъ кадо сказать... продолжалъ
дѣвица Иванова,—какіе эти кавалері
странные: на все готовы, только чтобъ
на свое поставить. Настенька гово-
рила давеча, что гусарскій офицеръ
обѣщается жениться на Натальѣ Па-
ловнѣ... Ужъ такой модникъ, право!

Гимназистъ бросился къ театру
мгомъ вокочилъ на лѣстницу, отво-
рилъ дверь—и остановился, какъ бы
пораженный громомъ. Лицо его страш-
но исказилось, глаза налились кровью
волосы стали дыбомъ, блѣдность смер-
ти покрыла его черты, на устахъ по-
казалась пѣна, и всѣ члены его затря-
слись, какъ бы въ лихорадкѣ. Гусаръ
держалъ Наташу въ своихъ объятіяхъ
посреди толпы ремонтеровъ, которые
смѣялись и аплодировали. Кровавое за-
рево отуманило глаза гимназиста. Онъ
не двигался... Веселая шайка прошла,
смѣясь, мимо него. Онъ не остановилъ
е. Но когда Наташа, трепетная, едва
дышащая, почти безъ чувствъ дотащи-
лась до него, онъ отскочилъ отъ нея
какъ отъ вѣни, и вся грубая сторона
души его вдругъ разразилась страш-
ными проклятиями, ругательствами и
сквернословіями. И вдругъ, забывши
совершенно, онъ ринулся на несчаст-
ную свою жертву, ударилъ ее въ ли-
цо, только что опровергнѣе нечистымъ
подѣлуемъ и отъ неистовыхъ упрекамъ

въ измѣнѣ и распутствѣ повергъ ее на землю. Въ эту минуту кинулись на него, съ двухъ сторонъ, Петровъ и Иванъ Кузьмичъ. Петровъ изъ любви къ Наташѣ, Иванъ Кузьмичъ — изъ спасенія, что публика услышитъ сцену, необъявленную въ афишѣ... Вдругъ вытолкнули они безумнаго вонъ изъ театра".

"Съ трудомъ дотащили Петровъ бѣдную Наташу до чердака, гдѣ она начинала квартиру. Наташа поминутно останавливала дорогой, то, притворяясь твердою, вдругъ спрашивала о графинѣ: была ли она въ театрѣ, была ли она довольна пьесой, то вдругъ начинала рыдать неутѣшно, изнывая подъ бременемъ бѣдствія и позора. Наконецъ, дотащились они по крутой лестнице до Наташиной комнаты. Петровъ кликнулъ хозяйку, поручилъ ей раздѣтъ и уложить больную, а самъ побѣжалъ въ аптеку, на послѣднія свои деньги купилъ булавы и ромашки, самъ сварилъ въ кухнѣ и отоспалъ горячіе чайники съ хозяйствкой въ комнату бѣдной страдалицы, куда не смѣлъ войти".

Утромъ Иванъ Кузьмичъ явился къ больной, измученной Наташѣ съ проосьбою играть Офелію. Наташа сначала отказывается, ссылаясь на нездоровье, но Иванъ Кузьмичъ, опираясь на контрактъ, обеспеченный неустойками, дѣлается все болѣе и болѣе настойчивъ и, наконецъ, добивается своего.

Въ день представлѣнія "Гамлета" театръ былъ блокомъ набить.

"Публика давно ожидала начала пьесы, но пьеса не начиналась... Наташи въ театрѣ еще не было. Иванъ Кузьмичъ, обтянувъ свое дородство въ черное трико, ходилъ въ большомъ волненіи на сцѣнѣ, посыпая ежеминутно гонцовъ за опоздавшей Офеліей. Наконецъ, Петровъ прибѣжалъ, захлѣтаясь, объясняясь, что Наташа уже готова и сейчасъ будетъ. Занавѣсь подняли. Иванъ Кузьмичъ началъ разведеніе руками, всхлипывать, декламировать какимъ-то притворно-наизнаночномъ тономъ и былъ осмыканъ рукооплеска-
теръ!" слышалось ку скѣль... Нече-
своего дѣла! Слѣ-
жетъ". Но когда сцену, всѣ зритѣ-
взгляднули други-
лика молча, не
ровъ, даже ремонтъ

Наташа прекрѣ-
роль отъ начала
вадрожалъ отъ
безумная Офелія
четвертомъ актѣ.
ся, на ялисъ въ
артистка не выходи-
мичъ объявилъ, ч
Блѣдная, почти вт-
щалась домой. "Въ
два офицера хо-
съ нею въ разго-
странно взглянули
отскочили назадъ".

Иванъ Кузьмичъ
зилъ, какое скро-
въ Наташѣ и всю-
она будетъ дѣла-
женія всей ярмар-

"На другой день
шеголемъ и рѣши-
Наташѣ и обво-
бенностью. Дорога
двумя или тремя
въ Петербургѣ, и
его съ вчерашни-
верждая, что под-
вой они даже и в-
вали. Иванъ Ку-
съ видомъ самодо-
приговаривая: "Д
рованiemъ... Поу-
ней толъ... Жи-
Обхожденіе сейча-
нае... впрочемъ,
хорошее"...

Наконецъ, Ива-
до домика, гдѣ ж-
новился у подъѣз-
сидѣлъ Петровъ.

— Наталья Пе-
силъ пріятнѣмъ г-
мичъ,

иаима. „Ай да ав-
въ толпѣ, „соба-
го сказать, мастеръ
ова просто не ска-
л Офелия вошла на
ли съ удивленіемъ
на друга. Пуб-
зоводила съ нея вво-
еры молчали“.

асно провела свою
до конца, и театръ
рукоплесканий, когда
ушла со сцены въ

Занавѣсь опустил-
зовм и крики. Но
ила: Иванъ Кузь-
то ея нѣтъ въ театрѣ,
забытыи она возвра-
стрѣтившися съ нею
ѣли, было, вступить
въоръ, но она такъ
на нихъ, что оба

ъ уже давно сообра-
вище онъ пріобрѣлъ
ночь мечталъ, какіе
ть сборы въ продол-
ки.

утромъ, онъ одѣлся
лся отправиться къ
вожитъ ее своей лю-
й встрѣтился онъ съ
знакомыми, бывшими
которые поздравили
имъ бенефисомъ, ут-
робной г.-жѣ Федоро-
ль столицѣ не види-
зъмичъ благодарили
вольной скромности,
а съ, дѣвочки съ да-
нится... будеть изъ
ла съ дворянами...
съ видно деликат-
я жалованье ей даю-

иъ Кузьмичъ дошелъ
ила Наташа, и остав-
да... На ступеняхъ

вловна дома? спро-
олосомъ Иванъ Кузь-

— Печиваетъ, кажется, грустно о
вѣчаль Петровъ.—Я три раза подх-
дилъ къ дверямъ: ничего не слышно.

— Помилуйте, прерваль Иванъ
Кузьмичъ:—дѣсятый часъ: онъ ужъ
вѣрно, вставши.

Иванъ Кузьмичъ вожарбкался въ
кругой лѣстницѣ къ Наташиной ком-
натѣ. Петровъ, молча, шелъ за нимъ.
Начали стучаться... Дверь распахну-
лась. Наташа лежала на постели, въ
блѣломъ платьѣ. Видно было, что она
всю ночь не раздѣвалась. Волосы
въ беспорядкѣ падали на плечи
подушки, длинные рукава казались
крыльями. Руки были сложены на
груди, а въ рукахъ держала она о-
разъ, подаренный ей вѣкогда графомъ
ней. Въ эту минуту солнечный лучъ
блеснулъ сквозь узкое окно чердака
озарилъ всю комнату потокомъ свѣта.
Петровъ упалъ на колѣни. Иванъ
Кузьмичъ всплеснулъ руками... Наташа
лежала мертвая“.

* * *

Таково содержаніе „Воспитаницы“. Эта повѣсть не отличается большими художественными достоинствами, и она разсказана живо и просто, съ умомъ и вкусомъ, и даетъ вѣрное понятіе о томъ, что представлялъ собою провинциальный театръ лѣтъ 70 тому назадъ. Кто такие были Наташа, графиня, Иванъ Кузьмичъ и другія лица выведенныя въ повѣсти подъ вымы-
ленными именами, мы не можемъ опре-
дѣлить за недостаткомъ данныхъ. Ещѣ разрѣшить ли этихъ вопросовъ кто-
нибудь изъ харьковскихъ или полга-
скихъ старожиловъ? Это было бы все-
ма желательно: „Воспитаница“ про-
ливаетъ яркій свѣтъ на южно-русскую
театральную старину, и поэтический
образъ бѣдной Наташи, этой скорбной
жертвы общественной дикости и грѣ-
баго безсердечія, не долженъ быть въ
быть исторіей провинциальной сцены
ибо, повторяемъ, „Воспитаница“, оче-
видно, была, а не вымыселъ...

—И—ъ.